

Елена Королевская

**РОМАН
В ТЕЛЕФОННОЙ
БУДКЕ**

Основано на реальных событиях!

Елена Королевская

**Роман в телефонной будке.
Основано на реальных событиях!**

«Издательские решения»

Королевская Е.

Роман в телефонной будке. Основано на реальных событиях! /
Е. Королевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907629-8

Этому не учат ни в школе, ни в институте. Часто эти темы табу и в семье. Каждый из нас ищет себя и вторую половинку. Как не ошибиться? Какие события и эмоциональные реакции приводят к решению? Время меняется, а вопросы остаются. Вместе с юной героиней вы как в прорубь окунётесь в «лихие» 90-е годы прошлого столетия и жизнь подростков московских окраин. Трудно описать всю гамму эмоций, которую вам подарит эта откровенная жизненная история.

ISBN 978-5-44-907629-8

© Королевская Е.
© Издательские решения

Содержание

О времена, о нравы	6
Телефонная будка	10
Сестры	12
Приятный голос	14
Странноватая	15
Студент	18
Принц из метро	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Роман в телефонной будке Основано на реальных событиях!

Елена Королевская

© Елена Королевская, 2019

ISBN 978-5-4490-7629-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О времена, о нравы

Окраина Москвы. Конец восьмидесятых годов прошлого столетия.

Во дворе обычной заштатной двенадцатиэтажки, вокруг единственного сохранившегося элемента детской площадки – песочницы – собирались местные мамочки. Их дети ковырялись в грязном песке, а они, сидя на обшарпанной лавчонке, самодовольно, как какое-то особенное мужское достоинство, обсуждали тему, которую можно сформулировать так: «Чей муж более привередлив, придя с работы».

– Ой, девчонки, мой, когда возвращается, да если еще и устал – всем хана! Лучше и не соваться. Если чайник не на плите, да чтобы непременно кипел в тот момент, когда он заходит, то все – крику не оберешься, так меня приложит, – упивалась своим несчастьем одна из них.

– Да, да, бедная ты, – завистливо подхватывали остальные с озабоченными выражениями на лицах.

– Но я терплю, что поделать, хоть и сама порой за день так устаю, – вздыхала «героиня» и довольная продолжала: – А у нас теперь новый кухонный гарнитур из рогожки... и нижние, и верхние шкафы – вся кухня полностью... Мой где-то отхватил!.. Надо беречь, я каждый день лазаю, протираю, чтобы не дай бог!

– Ох, ах, прям целый гарнитур? А у нас только мойка и разделочный стол...

Или:

– А нашей кухне уже лет пятнадцать, наверное, – выражали восхищение собеседницы столь удачным и дорогим приобретением.

– Как же тебе с мужем повезло! – звучал главный вывод из этого обсуждения.

Вторая из мамочек в свои двадцать четыре года уже родила подряд двоих детей и носила третьего. Лимитчица, взятая замуж из соседней общаги, расположенной через дорогу от дома мужа, что называется, окна в окна. Туда местные парни, и ее будущий муж в их числе, ходили удовлетворять свои мужские потребности в женской ласке. Эта мамочка была из везучих, потому что за многие годы она стала одной из тех немногих, о которых все слышали, но никто не видел. Той, кому реально посчастливилось из общежития переехать официальной женой к мужу в драгоценную московскую квартиру. И чтобы окончательно закрепиться в квартире родителей супруга, претворяя в жизнь совет собственной деревенской мамы, она не стала откладывать в долгий ящик – и осчастливила мужа тремя детьми подряд.

– А что... зато отстрелялась и все, – радостно она сообщала всем почти каждый раз, как выходила на улицу.

Подруги неуверенно поддакивали, но никто из них, будучи москвичками, не заговаривал и о втором ребенке – не то что о третьем.

– А мы скоро поедem к моим, на море, под Одессу, свежий воздух, фрукты! Наедемся! Отдохнем! – воодушевленно делилась деревенская...

Время стояло голодное, магазины встречали покупателей пустыми полками. Отоваривался народ по продуктовым талонам, отстояв многочасовые очереди, а о море и вовсе не мечтали.

Для тех, кто не в курсе тонкостей жизни тех лет, поясню, что талоны – такие бумажные карточки, которые выдавались на месяц в количестве стольких штук, сколько в семье по месту прописки зарегистрировано человек. На талон разрешалось приобрести конкретное количество продуктов: один килограмм сахара, три куса мыла и так далее. Определенные товары продавались только в районе проживания и при предъявлении паспорта с пропиской. Даже имея деньги, купить продукты, а тем более качественные продукты, было очень нелегко.

Поэтому иметь в друзьях людей, способных хоть что-то достать из дефицита сверх положенного по талонам – житейская необходимость.

А тут домашнее варенье, соленья и колбаса, и «подруга» могла тебе все это привезти и продать по сносной цене! За свою деревенскую хватку и продуктовое богатство, которое в то время ценилось выше любой валюты, она и находилась в фаворе у «коренных москвичек». Ее муж работал простым автослесарем в троллейбусном парке, и его достижениями по улучшению семейного быта она не могла похвастаться. Зато еще более гордо, чем о доме под Одессой, новая москвичка, не уставая, рассказывала о том, чего они добились в вопросе расширения жилой площади: их семью поставили на государственную – бесплатную – очередь на получение квартиры в Москве! Она не сомневалась, что всего через каких-то лет десять-пятнадцать квартиру им непременно дадут. Ну а ради такого счастья можно потерпеть и всемером поютиться на пятиметровой кухоньке, принимая пищу в порядке установленной очереди.

Ничего страшного она не видела и в том, чтобы прожить свои молодые годы с мужем и тремя детьми-москвичами в двух десятиметровых комнатах. Почему в двух? А в третьей, восемнадцатиметровой, остались проживать родители мужа. Которые, по ее мнению, свое уже пожили, и вполне могли бы и даже обязаны, будь они по-настоящему любящими бабушкой и дедушкой, уступить эту комнату внукам. Им самим следовало бы переехать в меньшую комнату, а лучше вообще вернуться в деревню, из которой они когда-то приехали по тому же лимиту в Москву, тем самым освободив место новому поколению. Родители мужа, конечно, знали об этих ее высказываниях, всегда найдутся «добрые люди», готовые раскрыть глаза «незрячим», и отвечали ей взаимностью. В разговорах со своими друзьями – родителями ее же подружек – они ядовито высмеивали невестку, ее деревенский говор, манерность, рвачество и нахальные требования к ним. Друзья родителей мужа новой москвички делились в семьях со своими детьми – молодыми мамочками, а те между собой, и сплетни гуляли по кругу, обрстая каждый раз новыми ужасными подробностями. Однако ж она чуть ли не единственная из всех невесток называла родителей мужа, всегда приниженно и льстиво глядя им в глаза, «мама» и «папа», а они в ответ ее «доченька». А самого мужа, как ни странно, деревенская называла «Длинный». Кличкой звали его между собой пацаны еще с тех времен, когда приходили в общагу. И она упорно продолжала называть Олега в разговоре с приятельницами-мамочками его кличкой, почему-то рассчитывая, что этим покажется им более своей. А ее московские подружки не упускали повода позлословить и на эту тему о ней. Ну конечно, или в ее отсутствие, или всего лишь каждый раз, пока она шла к детской площадке.

– Во, лимитчица наша идет, сейчас «гыкать» начнет, – посмеивались они между собой, вдобавок с удовольствием обсуждая ее вызывающе открытые наряды: – Опять обтянула грудь, того и гляди, сиськи выпадут, – язвили «доброжелательницы».

Светка, так звали лимитчицу, настоящая украинская красавица, с большой грудью и осинной талией, ростом за метр восемьдесят, и вполне могла бы претендовать на участие в модных конкурсах красоты, тогда только набирающих обороты в СССР. Но «добрые московские подружки» за Светкин высокий рост плюсом к «лимитчице» называли ее по аналогии с мужем «длинная» или за ее украинское произношение – «Галка». На лавочку она всегда садилась Светульчиком и расцелованная в обе щеки «искренне» соскучившимися со вчерашнего дня по ней приятельницами. Участвуя в сегодняшней беседе, Светульчик гордо рассказывала, что для возвращающегося с работы мужа она не только ужин готовит, но и подогревает тарелки, как в ресторане! А уж готовит она столько разных вкусностей, чтобы мужу, уплетая их, и пожаловаться-то было некогда.

Светке в отличие от избалованных московских девиц, как «скромно» говорила она, «не пристало раздражать мужа». Все дружно соглашались, что у нее нет никаких прав, и что очень хорошо, что она и сама все про себя понимает. За такое понимание своего места в «элитном московском обществе» ей милостиво прощали ее красоту.

Была в компании мамочек еще одна девушка – Ира, которая единственная из всех получала не обычное высшее образование, а второе, никому не нужное в то время, высшее образование. Учеба в институте среди местной молодежи считалась никчемной тратой времени. Страна трещала по швам, «вшивая интеллигенция» находилась не в чести и зарабатывала, если зарабатывала вообще, чистые гроши. Только-только начинались годы дикого капитализма, когда каждый хотел жить здесь и сейчас. И если не все, то многое решалось силой и напором. А деньги водились либо у бандитов, либо у фарцовщиков, да у людей, приближенных к системе распределения чего-либо. Любой товар в то время был дефицитным: от носков до бытовой техники.

Муж Иры считался нормальным мужиком. Он закончил ПТУ (профессионально-техническое училище. – прим. автора) и работал водителем на собственном грузовичке «Газель», обеспечивая жену и ребенка, пока та «развлекалась в институтах». Их семья у москвичек состояла на отдельном счету, потому что у них, единственных из всей компании, имелась своя, пусть и однокомнатная, но квартира! Правда, на первом этаже, отчего без балкона. И белье Ире приходилось сушить в ванной комнатке, что крайне неудобно. Об столь важном недостатке в планировке неоднократно, конечно, «сожалея» о ее несчастье, Ире напоминали остальные мамочки. Безусловно, они понимали, как ей повезло – жить в своей квартире уже сейчас! Но все же у Иры с мужем квартирка так и останется однокомнатной и без балкона, а в их квартире, которую они непременно когда-нибудь заполучат либо по очереди, либо после смерти родителей, комнат будет не одна и обязательно с балконом или лоджией. Подобный факт автоматически, пусть и в будущем, выводил их на более высокий социальный уровень, чем у Иры сейчас. Видимо эта радужная мечта, и позволяла подругам смиряться с ее теперешним превосходством. К тому же Ира молчаливая, а в ее семье явно правит патриархат, в чем сомневаться не приходилось, видя Иру в солнечных очках в любое время года. Так и в данной беседе она не участвовала, а выступала в роли благодарного слушателя. Ну что она могла сказать, когда с ней и так все ясно.

– Умная, умная, – говорили про нее «подружки», – а дура, раз муж так часто прикладывает. Чем его надо так злить-то? – недоумевали они и смаковали подробности, бурно обсуждая, за что и как он ее приложил в последний раз.

Саму Иру они почти никогда ни о чем не спрашивали, «тактично» делая вид, что ничего не замечают. Её тепло расцеловывали при встрече, впрочем, как и всех.

Но самой колоритной из компании была Таня – девушка довольно плотного, нет, скорее полного телосложения, с кожей, покрытой рытвинами от перенесенной ветрянки, носом картошкой и несоразмерно полными губами на фоне маленьких, узких и очень ядовитых глаз. Ее фигура выделялась широкими, низко посаженными бедрами на полных коротких ногах, а единственным, но ярким украшением являлась большая, выпирающая грудь. В среде местных ее звали «подстилка». Жила она с мамой и бабушкой в двухкомнатной малогабаритке. Таня – громкая и разухабистая, очень заразительно смеялась и отпускала точные, хлесткие, приправленные матерком замечания в адрес окружающих.

Всегда считалось, что уж Таня-то точно НИКОГДА не выйдет замуж, так как с ней хоть раз переспал каждый местный парень, включая сегодняшних мужей остальных мамочек. Но замуж она все-таки вышла, и не самая последняя. Правда, не за местного, а, как говорили, за армянина. Ее мужа презрительно за глаза называли «черножопым», а в глаза приветливо «брат». У него единственного в их компании на тот момент имелась личная легковая машина, и он мог достать на рынке, на котором работал мясником, большой дефицит того времени – свежее мясо. Если разговор у мамочек заходил о Тане, то не «плюнуть» в Танину сторону считалось моветоном, но опять же в ее отсутствие. Любимой темой среди подружек стало гадание, кто и когда первым расскажет ее «черножопому муженьку» о развеселом Танином прошлом и что тогда он с ней сделает, учитывая, какие у них там на востоке нравы. А ведь любая из них

столько про нее знает, но молчит, такое в их сердцах «благородство», а она позволяет себе колкости в их сторону – неблагодарная. Когда же Таня приближалась к детской площадке, головы у всех слегка втягивались, глаза опускались, попасть под ее острый язык никому не хотелось, и ее приветствовали с «нежным жаром» и целованием наравне с остальными.

Все мамочки примерно одного возраста со своими мужьями. Максимальной разницей между супругами составляла два года. Их возраст крутился в районе двадцати трех лет. И все, кроме «черножопого» и «длинной», изначально росли в общей компании. Жили все рядом, в соседних домах. Сначала ходили в один детский сад, потом в одну школу, гуляли вместе и знали друг о друге всю подноготную. Их стая, сформировалась по признаку ареала обитания. Внутри нее могли кого-то любить больше или меньше, но все они в нее входили. И как бы ни ссорились между собой ее члены, разногласия относились к их внутренним, местным разборкам. Все жили на одной стороне микрорайона. Но есть часть микрорайона, расположенная на противоположной стороне дороги местного значения. Там уже жили чужаки, у них свои девчонки и парни, которые исторически, если не враждовали, то конкурировали друг с другом. За встречи с парнем с «другой стороны» местными парнями девушке делался строгий выговор: «Тебе что, своих не хватает?» Чужака-парня без стеснения могли и побить.

Такая же ситуация и с девушками: кадрить парня с «другой стороны» было опасно, могли и лицо расцарапать, и «темную» устроить. Все посторонние воспринимались в штыки.

Переходить дорогу такой стае опасно. Внутри сообщества действуют отдельные социальные и поведенческие нормы. Любое несоответствие принятым среднестатистическим нормам жизни и морали считалось наглым вызовом. В отношениях не малую роль играло возрастное деление на старших и младших, как бывает в юные годы, когда пятнадцатилетнему девятикласснику четырнадцатилетний восьмиклашка кажется малолеткой, недостойным его внимания, а шестнадцатилетний десятиклассник – умудренным жизненным опытом авторитетом.

Мужья, несмотря на свои двадцать с лишним лет, по-прежнему выше семьи ставили нужды «друганов» и, вопреки наличию детей, довольно активно участвовали в жизни местной молодежи. И от всех «новобранцев» в виде жен или мужей «со стороны» ожидалось некое смирение или даже подобострастие, пока их не соизволят признать и принять в ряды стаи как полноправных членов.

Вечерами после работы абсолютное большинство и свободных, и семейных, оставляли детей на попечение бабушек и дедушек и выходили в «колхоз». «Колхозом» – назывались вкопанные рядом, вдоль забора детского садика два стола. Столы заменяли местной взрослой молодежи клуб по интересам. За ними компании играли в карты, домино, на гитарах, слушали музыку, общались и выпивали. Зимой, когда становилось холодно, народ переходил в ближайший подъезд, и веселье продолжалось там. Всем живущим, у кого окна квартир выходили на эти столы, практически ежедневно мешал полуночный шум. Но жаловаться решались единицы, так как если не их дети, то дети их соседей входили в ту или иную группу. У некоторых аксакалов, время от времени забредавших в «колхоз» расписать партеечку или выпить стаканчик, возраст перевалил уже за тридцать, у самых младших, как их называли «младшая садовская группа», колебался в районе шестнадцати лет. Время пользования столами делилось между группами в зависимости от возраста, а значит, статуса.

Таковыми радостями и интересами жила молодежь, московских окраин того времени. На одной из подобных окраин живут и главные герои книги.

Телефонная будка

Как-то пасмурным вечером, когда на улице не то осень, не то зима и серые тучи ползут по небу, навевая тоску, по улице бессмысленно шатались в поисках знакомых компаний и увлечений две двенадцатилетние подружки, когда с неба в очередной раз сорвался холодный дождь со снегом, они спрятались от непогоды в телефонную будку. Ну а раз они стоят в будке, значит, им нужно непременно позвонить кому-либо из друзей. Потому, что глупо просто так скучать. А вдруг кто-то согласится выйти на улицу разбавить их компанию. Даже побаловаться, набирая незнакомые номера, всегда веселей, чем стоять, ничего не делая в ожидании, когда поутихнет непогода.

Это сейчас молодежь привыкла знакомиться через интернет, а в эпоху городских телефонных будок, и домашний телефон имелся далеко не в каждой квартире. Зато всегда можно найти новых знакомых, позвонив по одному из номеров, обильно нацарапанных на крашенных стенах этих самых будок.

Девчонки стали шарить по карманам в поисках двухкопеечных монеток. Ничего.

– Посмотри получше, – сказала одна из них, – я слышала, звякало. Может, завалились куда?

Наконец в карманах куртки, за дырявой подкладкой все же нашлось несколько штук.

– Ну что, кому звоним? – спросила обладательница монетки, им на глаза попала надпись про Царя, тщательно нацарапанная справа от автомата. Сразу видно, что человек старался, прочерчивая написанное не по одному разу. Надпись под цифрами гласила: «Царь козлов – звонить круглосуточно!» Почему бы не побаловаться и не позвонить «Царю козлов»? Наверняка будет весело. И девчонки набрали номер.

Дозвонившись первый раз и услышав в трубке мужское «алло», они, ничего не говоря, похихикали в трубку. Голос никак не среагировал на звонок, он положил трубку. Набрал тот же номер во второй раз, девчонки, все так же глупо хихикая, отважились спросить:

– Здравствуйте, а здесь проживает царь козлов?

На что услышали встречный вопрос:

– Где вы взяли мой телефон?

Голос не злился, не кричал, а спокойно и уверенно интересовался, удивляя и обескураживая девчонок. Такая реакция – не то, что они ожидали, и как-то совсем не весело.

– Ну, девочки, откуда у вас мой номер? – повторил голос настойчиво.

Ну раз им не хамят, то почему бы и не ответить. Они назвали голосу свое местонахождение, потом еще несколько минут объясняли детали расположения будки и, когда голос точно все понял, попрощались и повесили трубку. Из разговора девчонки уяснили только то, что голос принадлежит молодому парню, с стальными нервами и явно старше их.

– Прикол! Такой спокойный! – удивлялась подружка.

– Да, класс! – поддержала вторая. – Слушай, ну ты бы хоть спросила, как хоть его зовут?

– Ну и спросила бы сама, чего не спросила, раз такая умная?

– Ага, а ты?

– Ну трубка-то у тебя была?

– Вообще-то, мы вместе ее держали!

– Ну ладно, и чего теперь делать будем? Нашим, что ли, кому позвонить?

Девчонки хитро переглянулись и снова, хихикая и пихая друг друга в бок, в третий раз набрали тот же номер. Подружки рассчитывали, что уж после третьего звонка парень сорвется. А значит, вечер не пропадет даром.

– Слушаю, – снова ответил тот же мужской голос.

– Привет, это снова мы, хи-хи-хи, а как тебя зовут?

– Владимир, – ответил парень. – А «царь», потому что фамилия Царев, – добавил он, предвосхищая следующий вопрос, и в этот раз повесил трубку первым. А девчонки не успели с главным блюдом:

– А почему козлов? А каких – горных или степных? – и немного расстроились, развлечение неожиданно быстро закончилось.

– Интересно, – обсуждали они, – а почему он не спросил, а как, например, нас зовут? Девчонок у такого должно быть море?! Такой приятный голос! Интересно, он симпатичный? Они снова посмотрели на номер телефона, судя по первым цифрам их новый знакомый жил через дорогу, то есть на «другой стороне», что интриговало еще сильнее. Посмаковав все детали, обсудив, что кому из них и как послышалось, показалось и подумалось, подружки договорились позвонить ему еще раз, но уже завтра. Сейчас двухкопеечные монетки у них кончились, а идти стрелять их у редких прохожих на «маме позвонить» по такой гадкой погоде не хотелось. Девчонки хорошенько заучили номер и полные впечатлений и эмоций, с чувством выполненного долга пошли по домам.

На следующий день погода ухудшилась, и идти гулять подружки передумали, а собрались потусоваться у одной из них дома. Предполагалось, что мама принимающей стороны на работе, а старшая сестра у подруги. И значит, они полностью свободны в своих действиях, в пределах разумного, конечно. Ну уж позвонить куда им захочется они точно смогут. С мамой они не прогадали, а старшая сестра неожиданно взяла, да и осталась дома.

Сестры

Разница между сестрами была в три года, старшая сестра – пятнадцатилетняя Катерина. И так сложилось, что в их семье без отца и со всегда занятой матерью именно она присматривала за младшей сестренкой. Когда Катя услышала, как ее младшая двенадцатилетняя Маша явно с кем-то флиртует, то не преминула поинтересоваться личностью собеседника.

– С кем по телефону глазки строим так, что уши красные? – с ехидцей спросила она у Маши.

– Счас, – сказала Маша в трубку и опустила ее вниз, прижимая микрофон к бедру, чтобы собеседник не слышал, о чем они с сестрой говорят. И кривляясь ответила:

– С незнакомым мужчиной.

– Тогда дай сюда, – властно сказала Катя и выхватила у Маши трубку. – Не мала ли с незнакомыми, да еще мужчинами разговаривать? Совсем с ума сошла? Девушка называется, – выговаривала Катя сестренке как заправская блюстительница нравов. Младшая в ответ огрызалась и недовольно фыркала:

– А что тут прям такого-то? Уже и поговорить нельзя? Чего ты везде лезешь? Я что, целуюсь-обнимаюсь или водку в подворотне пью? То же мне! – обижалась она.

Машина подружка и вовсе притихла на диване, зная Катин характер. Но Катерина поняла, что перегнула и дальновидно промолчала, а то сейчас они поссорятся по-настоящему. А Катя ссориться не хотела.

Перепалку между сестрами собеседник слышал хорошо. Ссора его развлекала, и, как того ожидала Катерина – гудков отбоя она не услышала.

– Ну кто там? – спросила Катя у сестры миролюбиво, как подружка, а не как воспитатель.

– Да какой-то Царь из телефонной будки, – честно ответила она. Катя приподняла брови.

– Оль, ну хоть ты ей скажи, – Маша обратилась за поддержкой к Машиной подруге. Та заморгала глазами:

– Кать, ну чего ты? Мы нашли телефон и прикалываемся.

Катя прислушалась, гудков в трубке она по-прежнему не слышала. Тогда, внутренне собравшись с духом, Катя подняла трубку к щеке и выдохнула:

– Добрый день.

– Добрый, – ответили ей слегка насмешливо.

Но тембр голоса оказался очень приятным. Перед глазами непроизвольно вырисовывался образ красавца. Одновременно Катерина поняла, что это голос довольно взрослого красавца, и, недолго думая, она выпалила:

– А вы собственно кто? Что у вас общего с маленькими девочками?

– Сама ты маленькая, – недовольно вставила Маша.

Катя махнула на нее рукой, мол, помолчи. Вопросы собеседнику Катерина задавала взволнованным резким тоном. И также, как и сестренка, ожидала в ответ какой-нибудь колкости. Но голос равнодушно произнес:

– Девчонки балуются, они мне сами позвонили, и мы второй раз разговариваем по телефону. Ответ понятен?

Как-то странно, что он сразу же ее не послал подальше, так на его месте сделал бы любой парень. И почему-то не бросил трубку. Ей тоже стало любопытно. Чего он ждет? Или ему все же что-то нужно от Маши? – разбирала Катерина ситуацию. Повисла пауза. – Нужно, наверное, что-то сказать, – решила она. – Ответ понятен, но, согласитесь, как-то странно, – продолжила Катерина.

– Не думаю, – ответили в трубке.

На самом деле ничего особо странного в поведении парня не было. Владимир весь день скучал в одиночестве, а болтовня по телефону и для него явилась хоть каким-то развлечением. А услышав голос Катерины, он понял, что с ним разговаривает уже не маленькая девочка. Его разобрало банальное любопытство, что за девица на том конце провода с таким самомнением и почему он ее не знает.

Приятный голос

Катерина к незнакомцам любого возраста обращалась на «вы». Ей казалось прикольным разговаривать подчеркнуто вежливо, пересыпая речь высказываниями разных авторитетных деятелей.

Катя – ранимая фантазерка. Воспитали девушку во многом книги, которые она хаотично проглатывала, читая много и с интересом – от сказок до философских учений. Ее ошибка в том, что и в повседневной жизни Катерина часто брала пример с любимых героинь прошлых веков. Она повторяла их эмоциональные реакции, копировала манеру поведения, стиль речи или, домысливая, поступала так, как в подобной ситуации поступила бы они. Хотя Катина повседневная жизнь была очень далека от приключенческих романов, исторических саг и идеальных философских миров.

Катерина выросла намного серьезнее и самостоятельнее многих сверстников. Мама с раннего возраста возложила на нее обязанность по присмотру и контролю над младшей сестрой и предоставляла ей в этом широкую свободу действий. Катерина рано почувствовала себя взрослой и вела себя как взрослая.

Так и в этот раз Катерина разговаривала с незнакомцем подчеркнуто на «вы». Против предположительно опасного незнакомца она ошетибилась всеми своими внутренними иголками. Но парень оставался спокойным, голос его звучал ровно и доверительно мягко. Он сам ей представился и пояснил без иронии в голосе, что его, конечно, как любого нормального парня, интересуют девчонки, но не детского возраста, поддержав ее переживания за сестру. Потом немного рассказал о себе, что он живет в доме напротив общежития, что отслужил в армии. И в результате, незаметно для себя Катерина проболтала с ним почти полчаса. Заканчивали разговор они почти друзьями. Правда прощаясь, свой телефон Катерина все же ему не оставила, но на предложение позванивать согласилась и пообещала, что как-нибудь непременно позвонит.

Младшая сестренка ехидно заметила: «Ничего себе ты с незнакомыми мужиками болтаешь!» Возразить, вроде как, и нечего, Катерина немного растерялась. Но впечатление сложилось приятное.

Их разговор долго не шел у нее из головы, казалось, между ними немало общего. В общем, Катерина согласилась с мнением сестры, что интересно было бы посмотреть, у кого такой приятный голос.

Странноватая

Катя знала, что ее считают странноватой. Училась она в целом на хорошо и даже отлично, занималась музыкой, не пила, не курила, почти не ругалась матом, то есть походила на настоящую зубрилу. Но вместе с этим поведение, стиль одежды зачастую позволяла себе вызывающие. Катерина всегда и на все имела и не стеснялась высказывать собственное мнение, держалась подчеркнуто независимо, прогуливала, спорила с учителями. Со сверстниками и вовсе общалась более чем уверенно и легко могла за себя постоять, в том числе – при крайней необходимости – и кулаками.

Достаточно сказать, что в седьмой класс ее перевели условно из-за неуда по поведению, хотя в аттестате была всего одна четверка. Многие из ее «выходок» останутся в анналах школьной истории, в том числе и эта устроенная Катей в восьмом классе.

Кабинет химии располагался на втором этаже школьного здания. Им задали задание. Чем-то недовольный, в плохом настроении учитель строго следил, чтобы никто не списывал. Катя скосила глаза к соседке и, попавшись под горячую руку. Она первой получила двойку в журнал. Учитель называл подобную процедуру «операция одиннадцать». Первым одиннадцати проштрафившимся ученикам, не зависимо от причины, он ставил двойки в журнал. Катерина во всеуслышание возмутилась несправедливостью. Но учитель остался непреклонен. Катерина не очень-то знала химию, но уж три с плюсом, а если повезет, то и четыре могла получить, но никак не два.

– Вы не имеете права ставить мне два, я не списывала, тем более что я сделала больше, чем Пуговкина, – как обычно, не унималась она.

– Будешь выступать, я сейчас на единицу исправлю, – недальновидно отрезал химик.

Катерина встала, подошла к открытому окну. Вновь спросила:

– Не исправите?

– Нет, – уверенно ответил учитель.

Она за секунды вскочила на стул, на парту, с парты на подоконник и, обернувшись через плечо, повторила вопрос. Класс загудел.

– Нет, – подтвердил учитель и скептически улыбнулся. Катерина с театральным криком выпрыгнула в окно. Учителю сделалось плохо. Поднялся шум, ребята повскакали с мест. Кто-то смеялся, кто-то восхищался, кто-то отпаивал учителя водой. Ничего страшного не произошло, Катерина спрыгнула не на землю, а на козырек над дверью первого этажа, расстояние до него около двух метров, но не сообразивший этого учитель сильно испугался. Катя торжествовала.

Следующий – девятый класс собрали из лучших учащихся трех восьмых. В эти списки из-за поведения Катерина не попала. Тогда она написала письмо в районное отделение образования, надзирающий за школами орган, в котором пожаловалась, что ее дискриминируют, и, опираясь на свои хорошие оценки, потребовала зачисления. И только после скандала ее все же зачислили.

За смелость в школе ее уважали, но держалась она особняком. У нее имелась масса почти приятельниц и только одна подруга. Но проучились они вместе только до девятого класса. Дальше их пути разошлись. Катерина осталась в школе, а подруга отправилась в профессиональное медучилище. И в девятом классе Катя фактически осталась одна. С ней перешла туда только одна более-менее близкая ей приятельница Света.

Многие местные девчонки откровенно ее недолюбливали. Ну, во-первых, никому не нужна симпатичная конкурентка, а во-вторых, им с ней казалось так же неинтересно, как и ей с ними: ни посплетничать, ни покурить, ни выпить, а нарваться на разборки из-за Катиних умничаний легко...

В среде сверстниц, пожалуй, самым весомым из аргументов для занятия верхней ступени на иерархической подростковой лестнице служило наличие парня. Все девчонки налево и направо хвалились победами на амурном поприще, рассказывая истории, похожие на сюжеты модных тогда индийских фильмов. Катерина, наслушавшись увлекательных выдумок, несколько переживала, что она чуть ли не одна-единственная из всех, кто до сих пор без пары.

Катина искренняя дружба с мальчиками закончилась сразу же по поступлении в первый класс школы. Конечно, мальчики все время находились с нею рядом – и на занятиях, и во дворе, но Катя ни с кем из них не поддерживала дружеского общения. Они жили параллельно и, по словам мамы, должны повырастать в таких же козлов, как и их папаша.

Став подростком, у себя в районе Катя часто слышала от ребят постарше в довольно развязном тоне фразы похожие на: «Эй, девчули, чего скучаете? Не хотите с хорошими пацанами пива попить?» или «Чего такие нарядные и одни?» Если пацаны не хамили, то Катя отвечала в своей манере: «Спасибо, нет» или «Проходите мимо, будьте любезны».

А если к ним после первого отказа начинали цепляться, тогда они с подружкой могли и огрызнуться: «Мы *одни* потому, что вокруг *одни* козлы...» Катерина и ее подружка были не из робкого десятка и остры на язык. Кроме того, они не пили пиво и им не хотелось слушать мат.

Парни-сверстники зачастую избегали фифу, при которой и ругнуться, видите ли, нельзя. Сдалась она им триста лет со своими неадекватными запросами. Были и те, кто хотел общаться, но боялся плыть «против течения». Время рыцарей прошло. Катерину окружали обычные мальчишки.

Катерина смазливая, это признавали все, но толку? Она слышала, как ее обсуждали. Пару раз старшие ребята говорили ей прямо в глаза, что она зря вечно умничает и прикоснуться к себе не дает, мол, останется одна с такими заскоками.

– Кому ты вообще нужна-то такая худая да плоская, вон сравни себя хоть со Светкой – у нее и грудь, и корма будь здоров, – подсмеивались над ней пацаны. И Светка могла стоять рядом и довольно улыбаться. Катя таких выходов не понимала. Она видела, как ребята не раз позволяли себе ущипнуть или хлопнуть девчонок по филейным местам, а те только хихикали. А могли иной раз «зажать» в лифте, но те попищат для остротки и ничего, без всяких обид тем же вечером выйдут во двор в компанию пить пиво. С такими девчонками пацанам вполне интересно, и главное – напрягаться не нужно.

Когда подобное соседский парень попробовал повернуть с ней, Катерина отбивалась и кричала на весь подъезд. Она расцарапала ему грудь, лицо и порвала дефицитную рубашку. А он назвал ее психичкой и искренне недоумевал, за что, собственно, она так на него набросилась.

Катино личное отношение к мужскому полу можно назвать негативным. Ее выводы подкреплялись сведениями о проблемных взаимоотношениях в семьях одноклассников. Подобные перспективы в браке не внушали Катерине оптимизма и резко диссонировали с книжным миром.

В Катиных мечтах ее парень – сразу же кандидат в мужа, и никак не меньше. По примеру книжных героев ему следовало смиренно и безропотно добиваться благосклонности дамы сердца, возможно, годами, вздыхая и читая стихи под балконом.

Золотой середины Катерины не имела, она строго делила мужчин на козлов в жизни и принцев-рыцарей в мечтах. Для себя Катерина выбирала «принца на белом коне» и верила, что за кем за кем, а за ней-то он непременно придет. В семье у Кати были одни женщины, ни отца, ни брата.

Плюс к школе, она каждый будний день и по субботам занималась на фортепиано, а по воскресеньям в первой половине дня ездила на занятия в вокально-инструментальный

ансамбль в молодежный центр, где играла на клавишных и пела. По дороге на занятия она постоянно читала. Так что свободного времени у нее практически не было. И по всем показателям ее ждало неплохое будущее.

Катерина из той редкой категории детей, кто с самого раннего детства сам делает домашние задания, без напоминаний и тычков от взрослых, правда, если ей нравится предмет изучения. Она одна из немногих, поступила в известную музыкальную школу по конкурсу и училась там почти бесплатно, не считая подарков преподавательнице на праздничные даты. Этот факт выяснился случайно. Отзанимавшись около года, в процессе болтовни одноклассников о том, чьи родители кем работают, и тому подобных тем, оказалось, что она одна среди всех из простой семьи. И на прямой вопрос сокурсников, а как же с такими простыми родителями она попала *сюда*, Катя дала очевидный, как ей казалось, ответ: «По конкурсу». Но по удивленным лицам собеседников Катерина поняла, что о конкурсе никто из них и не слышал. Кроме нее, происходившей из обычной рядовой, к тому же неполной семьи, все остальные дети, были детьми обеспеченных родителей при должностях и званиях и из партийной номенклатуры. Поэтому друзей среди них Катерина не обрела.

Катерина стала часто задумываться, что с ней не так? Временами честно пыталась через себя переступить и влиться в дворовую компанию, и ей это неплохо удавалось, но и быстро наскучивало.

Студент

Впечатлительная Катерина весь следующий день после разговора с Владимиром то и дело его вспоминала. Сестра вносила свою посильную лепту в этот процесс, подначивая Катю вопросами:

– Ну что, будешь звонить дяденьке? – ехидничала она. – Тебе ведь нравятся старички. А Царь даже помоложе других твоих ухажеров будет.

И действительно, у Катерины на тот момент только-только появились сразу два достойных кавалера. На днях она, по секрету, поделилась сногшибательной новостью с сестрой под честное слово, что та никому не скажет. Появились они почти одновременно.

Первый был студентом, страшно сказать, двадцати шести лет. Учился он на последнем курсе музыкального института, с которого студентов направляли для прохождения педагогической практики заниматься с детьми.

Катерина как раз посещала такую музыкальную школу, она обучалась игре на фортепиано. Так одному из практикантов досталось два месяца индивидуальных фортепианных занятий именно с ней.

Катерина сразу почувствовала к себе интерес с его стороны, и не только как педагога. На совместных занятиях она стала ощущать, что он нервничает и его руки будто бы слегка подрагивают всякий раз, когда он случайно ее касается, показывая, как нужно исполнять тот или иной отрывок разучиваемого произведения, и видела, как краска заливает его лицо.

Эти наблюдения вызвали в ней противоречивые чувства: радовали и смущали одновременно. Ей, безусловно, льстило его внимание. Она гордилась, что нравится не каким-то дворовым мальчишкам, а взрослому, образованному, высокому и привлекательному блондину с голубыми глазами. Наконец-то ею увлекся молодой человек, которого она считала равным книжным героям. Но, как оказалось, ухаживания принимать не так-то просто. Тем более от кавалера в статусе учителя и настолько лет ее старше, что сильно ее смущало. Кокетничать она не умела, вести себя как ни в чем не бывало ей тоже не удавалось. А посоветоваться ей было не с кем.

Они занималась два раза в неделю. Уже на втором занятии преподаватель-студент угостил Катю шоколадом и стал задавать не относящиеся к уроку вопросы о ее взглядах и планах на жизнь, параллельно рассказывая о себе. На третьем занятии, он отметил, что она очень красивая и талантливая девушка и что он с удовольствием поддерживал бы с ней общение и дальше, после практики. Он предложил ей дружеские, здесь он сделал акцент, именно дружеские отношения. Катерина аж рассмеялась от удовольствия.

Конечно же, студент уверял ее, что не нужно обо всех плохо думать, дружба между мужчиной и женщиной это нормально, и когда она подрастет, то непременно поймет все сама. Он же ни на что такое не претендует, а предлагает иногда вместе сходить в кино или на концерт... В результате пол-урока они потратили на разговоры.

– Ну что, дружба? – спросил он Катю в конце занятия.

Катерине хотелось согласиться, но все-таки ему двадцать шесть лет, и она ответила уклончиво:

– Ну да, наверное, – и окрыленная отправилась домой.

Принц из метро

Она спустилась в метро с ощущением победы и со сверкающими глазами. Торопливо побежала по переходу. Ей навстречу шел эффектный молодой человек. Он остановился прямо перед ней так, что она чуть на него не налетела, и пока Катя замешкалась, соображая, что происходит, поинтересовался:

– Сударыня, разрешите с вами познакомиться?

– Я в метро не знакомлюсь, – выпалила Катя на автомате давно заученную фразу. И сделала движение в сторону, чтобы обойти препятствие. Но он двинулся вместе с ней, и путь остался закрытым.

– Да, я понимаю, – вежливо настаивал он. – Но для меня сделайте исключение, – на последнем слове он пристально заглянул растерявшейся Кате в глаза и улыбнулся белозубой, как в заграничных фильмах, улыбкой. – Меня зовут Константин, – не давал он ей опомниться. – Я ни в коем случае не хочу нарушать принципы такой милой девушки и прошу лишь, разрешения, чтобы я оставил свой телефон, – он достал блокнот из внутреннего кармана пиджака и продолжил атаку: – Звоните мне безо всякого стеснения, в любое время, когда будет удобно, а если меня не будет дома, пожалуйста, наговорите мне сообщение на автоответчик, – он дописал телефон, вырвал листок и уверенно протянул его Катерине.

Она уже пришла в себя и теперь смотрела на него с любопытством. Атакующий был в костюме. Костюм – редкость для ее обычного окружения, его надевали только по великим праздникам. От молодого человека приятно пахло одеколоном и весь его облик говорил о надежности и благополучии.

Проходящие мимо девушки, не стесняясь, заглядывались на него. Народу в метро в час пик всегда много, а они стояли как раз посередине перехода, и толпа вынуждена была как бы обтекать их. Катерине казалось, что все, ну все идущие мимо люди на них смотрят, и она постепенно заливалась краской. Ей очень хотелось принять предложение, но и этот парень явно не на один год ее старше. Она не решалась, так запросто оставить номер телефона незнакомцу посреди метро.

Константин продолжал протягивать бумажку с телефоном. Вдруг Катю словно разморозили, она улыбнулась и, не говоря ни слова, взяла записку и торопливо запихав ее в карман брюк, рванула на платформу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.